

[Рец. на: / Review of:] **W. U. Dressler, F. N. Ketz, M. Kilani-Schoch (eds.). *Nominal compound acquisition***. Amsterdam: John Benjamins, 2017. 318 p. ISBN 9789027264978*.

Мария Дмитриевна Воейкова

Maria D. Voeikova

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
maria.voeikova@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, Russia;
maria.voeikova@gmail.com

DOI: 10.31857/S0373658X0004902-1.

Вышедшая из печати в декабре 2017 г. коллективная монография «Nominal compound acquisition» посвящена усвоению детьми именных композитов в разноструктурных (преимущественно морфологически богатых) языках. Материалом для исследования послужили существительные, образованные путем сложения основ, целых слов или только корней слов в речи детей и их родителей. Описание большинства языков строится на материале длительных наблюдений за речью отдельных детей, охватывающих как минимум год последовательной фиксации речевой продукции ребенка и взрослого участника диалога через равные промежутки времени (не реже раза в месяц). Несмотря на узкую постановку задачи, эта книга затрагивает ряд важных теоретических вопросов, которые делают ее интересной как для психолингвистов широкого профиля и логопедов, так и для типологов и специалистов по теории грамматики. В монографии представлены данные 11 разноструктурных языков: греческого, датского, иврита, немецкого, литовского, русского, саами, турецкого, финского, французского и эстонского, относящихся к разным языковым семьям и ветвям. Нетрудно заметить, что среди избранных языков есть те, в которых техника словосложения развита исключительно (такие как германские и финно-угорские языки или иврит), а есть и такие, для которых более характерны другие способы словообразования (например, славянские и балтийские языки). Это не помешало выделить общие черты в рассматриваемом процессе и обозначить как универсальные, так и идиоэтнические предпочтения в употреблении композитов в речи детей и взрослых. Представленные данные позволяют оценить, какие сложные наименования усваиваются детьми раньше и употребляются продуктивно, до какой степени различаются языки по степени распространенности в них сложных наименований и чем это можно объяснить.

Для сравнения распространенности техники словосложения в разных языках использовались интересные методики подсчетов, например: процент сложных слов от общего числа существительных в леммах и словоупотреблениях (tokens) в речи ребенка, в речи, обращенной к ребенку, и в речи взрослых носителей языка (обычно по корпусным данным), а также списки лексических соответствий, подобные списку Сводеша. Значительное внимание уделяется тому, как именно составить подобные списки: есть существенное различие между простым переводом слов и перечнем композитов, которые на самом деле отмечены в спонтанной речи детей и взрослых. Результаты анализируются в заключительной главе (В. У. Дресслер, Ф. Н. Кетц и М. Килани-Шох)¹, что позволяет выстроить континуум исследуемых языков от наиболее богатого композитами немецкого к наименее богатому литовскому. Русский, французский и литовский оказываются замыкающими в обоих перечнях, процент композитов в греческом ставит его в середину списка.

* Работа поддержана Российским научным фондом, грант № 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

¹ В скобках даны фамилии авторов соответствующего раздела книги.

Для современного разговорного греческого (У. Штефани) оказывается характерной замена композитов на простые наименования, ср. «*skúpa* ‘метла, швабра’ вместо *ilektriки skúpa* ‘пылесос’, букв. ‘электрическая метла’» (с. 282). Аналогичная тенденция (замена сложных наименований простыми в разговорной речи) отмечена в диалогах израильских подростков (Д. Равид, Р. А. Тцабар) (с. 252–253). Эта особенность разговорной речи приводит к тому, что список лексических соответствий, составленный на основе речи взрослых, содержит больше композитов, чем списки, основанные на анализе бытовой разговорной речи взрослых, обращенной к детям, и речи самих детей. У. Штефани, автор раздела, посвященного сравнению греческого и немецкого языков, отмечает, что «формальная речь, так же как большинство жанров письменной речи, кроме волшебных сказок, оказываются недоступны детскому восприятию» (с. 276) и, следовательно, нерелевантны для исследования детской речи. Иными словами, исследователи предлагают задуматься над вопросом о том, от чего зависит и как исчисляется лексический доступ к сложным словам.

Подробное сравнение 130 наименований предпринято только для списка греческих и немецких композитов У. Штефани. Для этого взяты исходные композиты немецкого языка и сопоставлены с соответствующими греческими номинациями, среди которых могут оказаться как композиты, так и их конкуренты (*rivals*) — свободные словосочетания, описательные толкования и однословные лексемы. Для остальных языков использовался исходный сокращенный лист из 52 сложных слов, отмеченных в данных австрийских детей, которые снабжались переводными эквивалентами из речи детей и их родителей в других языках. К сожалению, исходный лист не приводится в книге, так что о его составе можно судить только по описанию соответствий. Например, в русском языке, по данным В. В. Казаковской, среди переводных эквивалентов оказалось семь композитов (с. 86), причем только три из них являются исконно русскими — *пылесос*, *самосвал*, *пароход*. Четыре эквивалента представляют собой так называемые «неоклассические композиты» — *мотороллер*, *магнитофон*, *диктофон*, *микрофон*. На мой взгляд, их нельзя безоговорочно причислить к сложным основам в русском языке, так как неизвестны специальные исследования, которые бы прояснили степень осознания заимствованных корней носителями русского языка. Думаю, простой констатации того, что части таких слов встречаются в разных композитах (ср. корень *-фон* в перечисленных заимствованиях), недостаточно для того, чтобы считать эти части корневыми элементами: они могут восприниматься как суффиксы или простые созвучия финалей. Не случайно в главе о турецком языке (Ф. Н. Кетрез) неоклассические композиты выводятся за пределы анализа как неразложимые для сознания носителей (с. 236). Даже в греческом языке, по свидетельству У. Штефани и Э. Томадаки, неоклассические композиты остаются частично немотивированными для детей, поскольку восходят к «конституентам высокого стиля, недоступным для маленького ребенка» (с. 135). Поэтому в главе о новогреческом языке авторы предполагают, что для этих композитов характерен особый способ усвоения — они не складываются из готовых значимых элементов, а «укореняются» (от *entrenchment* ‘закрепление, вкапывание’ — термин, применяемый М. Томаселло в теории усвоения языка, основанной на употреблении), образуются по аналогии с другими, не до конца прозрачными наименованиями.

В целом, речь взрослых участников коммуникации содержала от 17 % (в немецком) до 0,6 % (в литовском) словоупотреблений композитов (с. 291); в леммах соответствующие проценты были еще выше — от 38 до 1,5. Сравнение эквивалентов по спискам композитов показало, что среди наиболее склонных к основосложению языков процент соответствий превышает 10, в то время как в языках-аутсайдерах преобладают конкурентные наименования. Впрочем, как уже не раз случалось при анализе данных спонтанной речи, различия между языками оказываются не такими разительными, как можно было предположить на основе описания письменного литературного регистра.

К объяснению наблюдаемых явлений в этой книге, как и в других работах данного направления, привлекается аппарат «естественной морфологии» (далее ЕМ) — теории, развиваемой В. У. Дресслером и его соавторами и последователями с 80-х годов прошлого

века [Dressler et al. 1988]. Для ЕМ характерно рассмотрение сложных языковых знаков, и в особенности морфологических показателей, с точки зрения «шкалы морфотактической прозрачности», предполагающей изоморфизм формы и содержания языкового выражения. Более естественными считаются те морфологические механизмы, которые отличаются иконичностью либо диаграмматичностью: сложное содержание должно передаваться комбинированным знаком. Любые отступления от семантической и морфотактической прозрачности (затемнение основы, чередования, слабый и сильный супплетивизм) считаются менее естественными по сравнению с полностью прозрачными, мотивированными, легко восстанавливаемыми связями. Обычно теория ЕМ привлекалась для объяснения языковых предпочтений в области флективного маркирования и аффиксального словообразования. ЕМ предполагает, что более естественные морфологические механизмы и образования чаще представлены в языках мира и в каждом конкретном языке, раньше усваиваются детьми и имеют тенденцию замещать менее естественные морфологические механизмы в ходе исторического развития. Например, таким образом можно объяснить появление дублетных форм типа *машу* — *махаю* в русском языке и вытеснение менее продуктивной модели более продуктивной: отсутствие чередования в форме *махаю* повышает ее семантическую и морфотактическую прозрачность. С кратким обзором основных постулатов ЕМ на русском языке можно ознакомиться в статье В. У. Дресслера в «Вопросах языкознания», написанной в самом начале разработки данной теории [Дресслер 1986]. Более подробное описание современного состояния теории ЕМ дано в книге М. Килани-Шох и В. У. Дресслера [Kilani-Schoch, Dressler 2005], короткая справка — в статье [Dressler 1999].

В 1993 г. под руководством В. У. Дресслера начался специальный сравнительно-лингвистический проект «Ранние стадии усвоения морфологии детьми»², исходной целью которого была проверка первоначальной гипотезы ЕМ о предпочтительном усвоении детьми более естественных форм морфологического маркирования. В этом международном проекте, успешно продолжающемся уже более 25 лет, рассматриваются данные морфологически богатых языков — германских, греческого, романских, славянских, финно-угорских, есть также данные по ивриту и юкатеко майя. В основе собранного материала лежат экологические лонгитюдные наблюдения, сделанные с помощью аудио- и видеофиксации языкового общения взрослых с детьми. За прошедшие 25 лет общая концепция усложнилась и получила значительные уточнения. В рамках проекта опубликованы несколько монографий и ряд важных статей. К предварительным публикациям можно отнести статьи и книги [Dressler, Karpf 1995; Dressler 1997]. Исходным положением проекта (которое подтверждено многочисленными наблюдениями) является выделение трех основных стадий раннего усвоения детьми морфологических различий — преморфологии, протоморфологии и «ядерной морфологии» (термин Д. Равид, впервые широко применяемый в рецензируемой книге). На этапе преморфологии большинство детей, независимо от их родного языка, применяют универсальные «экстраграмматические операции», а подлинные морфологические противопоставления в их речи отсутствуют. На стадии протоморфологии в их речи появляются первые морфологические оппозиции (противопоставленные друг другу пары форм) и минипарадигмы (как минимум три противопоставленные друг другу формы, прообраз будущих парадигм). Процесс развития морфологических противопоставлений завершается формированием ядерной морфологической системы, близкой к языку взрослых, причем это происходит еще в дошкольном возрасте.

Одним из важнейших достижений проекта «Пре- и протоморфология» можно считать наблюдения за скоростью усвоения морфологических противопоставлений в разноструктурных языках. Впервые идеи о различной скорости появления оппозиций в речи детей в зависимости от морфологического богатства языка были сформулированы уже в [Voeikova, Dressler 2002]. В последующих публикациях на эту тему [Laaha, Gillis 2007; Xantos

² В научном обиходе этот проект и связанную с ним концепцию сокращенно называют «Пре- и протоморфология».

et al. 2011] удалось доказать, что противопоставления форм в богатых морфологических системах усваиваются детьми раньше и быстрее по сравнению с морфологически бедными языками. До сих пор внимание участников проекта было сосредоточено на описании особенностей усвоения глагольной морфологии [Bittner et al. 2003], диминутивов [Savickienė, Dressler 2007], морфологии имен существительных [Stephany, Voeikova 2009] и прилагательных [Tribushinina et al. 2015], см. рецензию в «Вопросах языкознания» [Доброва 2017]. Особенность рецензируемой книги состоит в том, что ее авторский коллектив, давно и плодотворно работавший в области усвоения аффиксальной и флективной формообразовательной морфологии, здесь обратился к описанию словообразования.

Во введении излагается ряд гипотез, рассмотрению которых в той или иной степени посвящены отдельные разделы и заключительная, обобщающая глава книги. В русле теории ЕМ эти гипотезы сформулированы как «предпочтения в области композитов» (с. 2). По предположению авторов предисловия (В. У. Дресслер, Н. Ф. Кетрез, М. Килани-Шох и У. Штефани), композиты универсально стремятся к морфотактической и семантической прозрачности. Иными словами, предпочтительно, чтобы части сложного слова были легко вычленимы и семантические связи между ними были ясны. Вершина формирующего композит словосочетания и семантическая вершина сложного слова должны совпадать: это проявляется, в частности, в том, что формоизменение затрагивает вершину композита (так, в композитном сочетании *corner stone* семантическая вершина совпадает с синтаксической (речь идет о камне), причем именно вершина *stone* изменяется по числам). Предполагается, что одновершинные композиты с подчинительной связью между частями должны встречаться чаще по сравнению с «координативными» образованиями (приложениями в русской терминологии) типа *принц-консорт* или *Ванька-ключник*.

Предпочтительный материал для сложения — целые слова или основы; сложение корней или словоформ встречается в языках мира и в конкретных языках реже. Любопытным универсальным свойством сложных слов является их стремление к бинарной структуре; хотя трехчастные и даже четырехчастные композиты встречаются в германских языках, их количество все-таки значительно уступает бинарным композитам. Иными словами, сложные слова не обладают в полной мере свойством рекурсивности, как свободные словосочетания и предложения. В русле общих представлений теории ЕМ можно предположить, что композиты, обладающие предпочтительными свойствами, будут усваиваться детьми и употребляться в речи родителей раньше и чаще, чем другие типы.

Попутно заметим, что универсальные предпочтения в области словосложения, по-видимому, наиболее ярко выступают в тех языках, которые богаты такими производными словами. Чем менее этот способ словообразования характерен для данного языка, тем более причудливые формы композитов в нем встречаются. Достаточно вспомнить, например, что в русском языке сложение корней с суффиксацией (включая нулевую) встречается чаще, чем сложение чистых основ, ср. распространенный в русском языке тип: *ледокол* от *лед* + интерфикс + *кол(оть)* + Ø суффикс — и универсально предпочтительный, но реже встречающийся в русском тип: *головокружение* от *голов(а)* + интерфикс + *кру-жение*. Очевидно, что для русского языка, в котором композиты не очень распространены (по сравнению с германскими и финно-угорскими языками или ивритом из выборки, представленной в книге), естественным предпочтением является использование аффикса дополнительно к сложению основ. Суффикс как бы «венчает дело», санкционируя несвойственное русскому языку основосложение. Возможно, существенным оказывается и то обстоятельство, что наличие материально выраженного суффикса делает композиты эндоцентрическими, ср. *пароход* и *бетономешалка*. Если слово *пароход* называет основные признаки данного механизма, но не указывает на сам механизм, то *бетономешалка* содержит специально выраженный компонент *-мешалка*, выполняющий роль грамматической и семантической вершины. В целом в русском языке количество композитов как в лексической системе, так и в потоке речи значительно ниже, чем в языках с богатым основосложением. Из материалов книги очевидно, что аналогичная ситуация (если не более

яркая) наблюдается и в литовском языке. Тем не менее в книге есть богатые по содержанию разделы, посвященные русскому (В. В. Казаковская) и литовскому (И. Дабашинскене, Л. Камандулите-Мерфельдиене) языкам. Оказывается, что, несмотря на сравнительно небольшой процент композитов в речи, обращенной к ребенку, они все же появляются в речи самих детей довольно рано (для русского языка приводятся возрастные рамки 2;2–2;4³, для литовского — от 1;8 до 2;7), хотя и позже, чем в германских и финно-угорских языках⁴. Необычной чертой русских ранних композитов оказывается то, что все они образованы от существительного и глагола N+V (типа *самосвал*), в то время как универсально предпочтительной считается техника N+N. К сожалению, не обсуждается подробно и остается завуалированным экзоцентрический характер подобных композитов: традиционно они анализируются в русской грамматике как содержащие нулевой суффикс и «характеризующиеся действием, названным опорной основой и конкретизированным в первой основе сложения» [РГ 1980: 250–251]. Иными словами, нулевому суффиксу не приписывается семантика деятеля, следовательно, они должны анализироваться как экзоцентрические. Иными словами, русский язык тяготеет к необычным разновидностям основосложения. Помимо перечисленных отглагольных образований, в русской детской речи распространены сложные координативные номинации типа *зайчик-побегайчик* или *лягушка-квакушка*. Судя по данным, эти особенности в словосложении не характерны для литовского языка, в котором продуктивные субординативные N+N композиты преобладают.

Данные швейцарского французского языка (М. Килани-Шох) показывают, что в целом процент композитов в нем настолько невелик, что заметного развития этой техники у детей на протяжении наблюдений не происходит, за исключением особого типа композитов «*maman-bébé*», соответствующих русским координативным *мама-кошка* или *мышка-мать*. Только у этого типа была заметна продуктивность, несмотря на то, что за пределами детоцентрических ситуаций такие образования не встречаются. Интересно, что во всех языках-аутсайдерах словосложение набирает обороты в последние годы благодаря заимствованиям отдельных номинаций и техник номинации.

Литовский, русский и французский языки оказываются замыкающими по всем количественным показателям распространения композитов в речи. Существенно, что в книге применяются разные способы количественного измерения этих величин: принимается во внимание не только соотношение лемм существительных, но и проценты словоупотреблений (tokens). Как известно, на речь детей могут избирательно влиять разные факторы, причем в рецензируемой книге предлагается различать так называемый инпут и интэйк — то, что дети могут услышать, и то, что они могут воспринять. Существенно, что авторы не абсолютизируют значение своих подсчетов. Более того, они приводят важные соображения в пользу того, что частотность явления в письменных текстах еще не служит абсолютным показателем его распространенности в языке: по остроумному замечанию авторов предисловия, мы редко говорим и еще реже пишем о зубных щетках (композит *Zahnbürste* в немецком языке), однако мы «вербально думаем о них как минимум дважды в день» [Dressler et al. 2014: 187–188] (с. 9). Это замечание о «вербальных мыслях» крайне важно для умозаключений о структуре и организации ментального лексикона.

Содержание отдельных глав книги заслуживает специального упоминания. Хотя вся монография представляет собой результат тщательно продуманного и проведенного по единому плану исследования, материал конкретных языков вносит новые оттенки в общий сценарий. Наиболее существенные моменты исследования отражены в главе, посвященной усвоению австрийского варианта немецкого языка (К. Корецки-Крёлль, С. Зоммер-Лолей

³ Возраст детей указан в форме год;месяц.день в соответствии с традицией, принятой в системе CHILDES; 2;2 означает 2 года и 2 месяца.

⁴ Данные по ивриту основаны на срезовых записях, поэтому они несопоставимы с лонгитюдными записями отдельных детей. Можно предположить, что в иврите первое появление и осознание композитов также является ранним процессом.

и В. У. Дресслер). Немецкий язык оказывается наиболее богатым по словосложению в речи взрослых, что существенно влияет на раннее появление композитов в речи детей и на их декомпозицию. Дело в том, что при первом появлении сложных слов они часто бывают неразложимы в сознании ребенка. Об этом могут свидетельствовать «амальгамы» — композиты с нарушенным морфонологическим строением типа *Medwa* ‘Mineralwasser’ или *Miketad* ‘Musikwerkstatt’ (с. 26). Их возникновение говорит о том, что ребенок не осознает строения сложного слова и старается повторить его так, как слышит. Появление амальгам является первой ступенью освоения композитов и совпадает со стадией преморфологии. Второй этап связан с разложением сложных слов на составные части. Сигналом этого становится появление неологизмов, которое в австрийском варианте немецкого было зафиксировано от 1;8 до 2;3 (типа *Kopfaua* ‘головная боль’). Второй этап совпадает с этапом протоморфологии — появлением первых морфологических оппозиций в области числа и падежа существительных и образованием диминутивов.

В немецком самым элементарным способом образования композита оказывается простое сложение без всяких соединительных элементов. Выбор соединительного элемента — это непростое задание, которое требует овладения некоторыми процедурными правилами. На этом пути дети иногда допускают «тупиковые ходы» (*blind alleys*), образуя не существующие в языке композиты по неверным правилам (с. 27). Наличие тупиковых ходов обычно является индивидуальной или групповой особенностью и не характерно для всех детей. Глава об австрийском немецком основана на лонгитюдных данных трех детей среднего социального класса, но для сравнения приводятся также срезовые данные детей из более бедных семей. В употреблении композитов, как и в других областях, дети из семей с более низким социальным статусом демонстрируют отставание. Эта тема, затронутая только вскользь в данной публикации, может быть развернута в отдельное исследование, тем более интересное, что на материале русского языка оно должно дать нетривиальные результаты.

Ситуация в речи датских детей (Л. Кьербек, Х. Басбёль) напоминает ту, которая наблюдается в австрийском немецком. Наиболее распространены в языке сочетания двух существительных или прилагательного и существительного, семантически и формально прозрачные композиты преобладают в речи и рано встречаются у детей. Самыми распространенными типами в детской речи были N+N, V+N, A+N, однако были и более редкие типы, например, образованные от ониматопей. Между детьми наблюдались значительные различия по типу и возрасту появления первых композитов. Это вполне объяснимо с точки зрения концепции пре- и протоморфологии: на первом этапе ребенок повторяет «замороженные формы», декомпозиции не происходит, поэтому в детской речи и не проявляется особой избирательности. Предпочтения, скорее, характерны для этапа протоморфологии. В разделе, посвященном датскому языку, снова ставится вопрос о декомпозиции сложных слов. В книге приняты обычные для данного подхода критерии продуктивного употребления форм: если некая морфема встречается в сочетании с тремя другими морфемами, а также используется неоднократно, обычно принимается за данное, что она является результатом декомпозиции. Так, падежное окончание считается продуктивно употребляемым, если встречается в комбинации с тремя основами и противопоставлено двум другим окончаниям. Аналогично, если части композита встречаются в других сложных словах в комбинации с другими корнями, их предложено считать разложимыми. Однако это не более чем допущение, которое может не соответствовать языковой действительности. Так, в датском есть вполне разложимые сочетания корней, которые тем не менее воспринимаются носителями языка как единое слово, например, *kakkelovn* ‘кафельная печь’ произносится как единое слово без ожидаемой в композите границы (с. 60). Эти соображения показывают, что вопросы осознания и разложения сложных основ носителями языка, скорее всего, не могут быть разрешены без специального исследования в каждом конкретном языке.

Финно-угорские языки представлены в книге финским (К. Лаало) и эстонским (Р. Аргус), к ним примыкает и северносаамский язык (Й. Й. Ийас), морфология которого, однако,

определяется автором главы как фузионная. Саамские композиты имеют яркие морфологические особенности: все они четырехсложные (или более длинные, рекурсивные, объединяющие несколько четырехсложных), имеют основное ударение на первом слоге и добавочное на третьем и претерпевают фонетическую редукцию безударного гласного во втором слоге по определенным законам (см. подробнее на с. 210). По распространенности композитов в речи финно-угорские языки успешно соперничают с немецким, по некоторым параметрам превосходя датский. Финские и эстонские дети обычно очень рано начинают употреблять в речи любые морфологические показатели; точно так же и словосложение оказывается в числе ранних операций: первые замороженные формы могут появиться в речи детей уже в 1;5 во время так называемой «хореической стадии», когда длинные слова сокращаются до двух слогов. Это неминуемо приводит к возникновению амальгам. Такое же раннее появление композитов отличает речь турецких детей (Ф. Н. Кетрез). Первые замороженные употребления в речи турецкой девочки относятся к возрасту 1;3. Саамская девочка начала употреблять композиты в 1;9, причем сразу же были отмечены свидетельства того, что она выделяет отдельные части, но еще не применяет морфологические правила образования аллегрных форм (записи начались с возраста 1;8, поэтому не исключено, что распространенные композиты могли появиться в ее речи и до 1;9).

Совпадение данных финно-угорских и турецкого языков, с одной стороны, и различия между финно-угорскими и саами, с другой, указывают на то, что на овладение техникой словосложения влияет не столько генетическое сходство или общие особенности, приобретенные в процессе межъязыковых контактов, сколько принадлежность языка к определенному морфологическому строю (в данном случае — агглютинативная или фузионная техника морфологического маркирования). Несмотря на то, что морфологическая классификация в последние десятилетия часто подвергалась критике и разнообразным уточнениям в типологической литературе (например, [Haspelmath 2009]), ее релевантность для анализа процесса усвоения языка ребенком подтверждена во всех публикациях проекта «Пре- и протоморфология». Разумеется, такие умозаключения можно делать только предположительно и с большой осторожностью, так как финские и эстонские данные основаны на детальном анализе речи всего лишь двух-четырех детей, а редчайшие данные саамской детской речи записаны от единственной девочки.

Интересные сведения представлены в главе о греческих композитах (У. Штефани, Э. Томадаки). В этом языке основосложение представляет собой продуктивный, распространенный и детально изученный процесс. Со ссылкой на предшествующие работы авторы отмечают, что в речи взрослых греков отмечена тенденция к сложению корней слов (а не целых слов) (с. 122). В этом отношении греческая система основосложения оказывается более близкой той, что наблюдается в русском языке, по тому, что 1) складываются не целые слова, а корни или основы, 2) часто используются соединительные гласные, не несущие смысловой нагрузки, 3) наряду с основосложением часто используется дополнительная суффиксация. Авторы различают процесс соединения значимых основ и процесс «укоренения» в памяти ребенка и частичного продуктивного образования затемненных по смыслу композитов на основе аналогии. Второй процесс характерен для частотных, но не до конца разложимых на части неоклассических композитов. Эндоцентрические композиты типа N+N преобладают, однако их количество остается неизменным, в то время как композиты A+N заметно возрастают в количестве употреблений, в основном за счет комбинаций с оценочными прилагательными типа *kaló-pedo* ‘хороший ребенок’. Греческая система оказывается переходной между преимущественно словосложением, характерным для германских языков, и преимущественно аффиксацией, характерной для языков славянских.

В книге принята развернутая классификация композитов, которые делятся на эндоцентрические и экзоцентрические (по тому, присутствует ли в составе композита вершина именной группы, указывающая на обозначаемый объект), координативные (в которых части равноправны) и субординативные (содержащие подчинительную связь); их

подразделяют также по производящим частям речи (типа N+N, V+N, ADJ + N и т. д.), субординативные делятся дополнительно на правовершинные и левовершинные (с. 4). Подавляющее большинство композитов, которые встречаются на ранних этапах в германских языках (немецком и датском), — эндоцентрические правовершинные с субординативной связью без соединительных элементов.

В некоторых языках выделяются разные типы композитов по сложности отношений между частями образования: так, в турецком выделяются простые и посессивные композиты (*bare compounds* vs. *possessive compounds*); первый тип представляет собой простое соположение основ или слов, второй тип имеет специфические посессивные маркеры на конце второго слова. Ф. Н. Кетрез отмечает, что турецкие дети начинают очень рано употреблять простые по структуре композиты (уже с возраста 1;3–1;4), частотные посессивные композиты также встречаются до двух лет, причем есть свидетельства того, что они раньше осознаются детьми как составные наименования и раньше употребляются продуктивно. Это можно объяснить их частотностью и перцептивной выпуклостью конечного суффикса. Аналогично, в иврите (Д. Равид и Н. А. Тцабар) выделяются классические соположенные композиты типа *smixut*, а также свободные и двойные композиты, построенные с участием компонента *shel*, эквивалентного предлогу ‘of’ (с. 256–257). Первые композиты трактуются как передающие гипонимические отношения, второй тип в большей степени соответствует посессивным конструкциям в широком смысле. Дети рано начинают употреблять частотные *smixut*-композиты, но только после четырех лет они способны образовать неологизмы этого типа, а полное усвоение всей системы формальных чередований происходит ближе к семи годам. Посессивные композиты появляются в речи детей позже (в возрасте 3–5), к пяти годам происходит функциональная специализация, причем авторы указывают на то, что в поздние школьные годы два типа композитов могут конкурировать между собой (с. 270–271). Во всех случаях, когда в языке есть примеры элементарного словосложения и более структурно изысканной комбинации некоторых форм и основ, элементарные композиты, в соответствии с гипотезой проекта, появляются в речи детей раньше, а структурно осложненные варианты позже. При этом нет никаких доказательств того, что дети способны осознать ранние композиты как сложение основ — весьма возможно, что они пытаются повторять эти слова наряду с другими длинными словами, не замечая их особой природы.

Можно поздравить авторов с тем, что им удалось написать книгу, которая будет востребована как общими лингвистами и типологами, так и психолингвистами. Лексическим типологам будут интересны особенности номинации явлений в разноструктурных языках: германские и финно-угорские языки явно тяготеют к сложению, в то время как греческий, литовский и русский предпочитают аффиксацию. При этом существенно, что во многих языках употребление композитов оказалось привязано к регистру — в разговорной речи и в речи, обращенной к ребенку, композиты могут замещаться простыми наименованиями. Французский язык стоит несколько особняком, используя продуктивно только некоторые типы композитов; иврит, несомненно, обладает развитой системой словосложения. Для типологических исследований важно также, что морфологическая классификация языков имеет онтологические основания в усвоении языка ребенком — агглютинативные и флективные языки обычно различаются по возрасту усвоения отдельных морфологических явлений. В целом, предпочтения, заявленные во вступительной главе книги, оказались релевантны для детской речи: дети в целом раньше начинают употреблять и осознавать простые композиты с прозрачным составом компонентов, и лишь впоследствии, на стадии протоморфологии, присоединяют к ним более сложные (генитивные или посессивные) композиты, включающие дополнительные морфемы, интерфиксы и т. д. Эндоцентрические правовершинные композиты N+N оказались предпочтительными в большинстве данных. Вместе с тем, как нам показалось, универсальные предпочтения ярче всего проявились в тех языках, где техника словосложения является ведущей; в языках-аутсайдерах могут отмечаться особенные предпочтения.

Для онтолингвистики рассмотрение этого материала оказалось полезным в том отношении, что лишний раз была продемонстрирована избирательность детской речи по отношению к инпуту: процент композитов в речи, обращенной к ребенку, во всех случаях был выше, чем в речи самого ребенка. При этом наиболее частотные типы композитов не обязательно будут усвоены раньше: так, в речи турецких детей сложные посессивные композиты появляются позже, чем элементарные, несмотря на большую частотность посессивных композитов в инпуте. В книге зафиксирован богатый материал для анализа приспособления (fine-tuning) речи родителей к языковой системе детей; впрочем, такие случаи обычно характеризуют отдельные диады и не могут быть связаны с языком-источником. Изучение техники основоположения в детской речи оказывается важным для конструктивистских моделей и теории языка, основанной на употреблении: обнаруживая предпочтения ребенка и разнообразные связи его речи с инпутом, авторы книги показали, что в области словообразования дети опираются на тот языковой материал, который доступен им в речевом взаимодействии, и что этого материала достаточно для построения полноценной грамматической системы. Таким образом, книга о композитах в детской речи затронула важнейшие аспекты теории языка и его усвоения, разработанная в ней теория словосложения представляет интерес для морфологов, занимающихся описанием конкретных языков, и для общей типологии, а сформулированные гипотезы, которые в значительной мере подтвердились, позволят следить за повествованием с неослабевающим интересом, что не исключает и последующей полемики с отдельными положениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Доброва 2017 — Доброва Г. Р. [Рец. на:] Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 141–150. [Dobrova G. R. [Review of:] Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 3: 141–150.]
- Дресслер 1986 — Дресслер В. У. Об объяснительной силе естественной морфологии. *Вопросы языкознания*, 1986, 5, 33–46. [Dressler W. U. On the explanatory power of Natural Morphology. *Voprosy Jazykoznanija*, 1986, 5: 33–46.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [The Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980.]
- Bittner et al. 2003 — Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M. (eds.). *Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Dressler 1997 — Dressler W. U. (ed.). *Studies in pre- and protomorphology*. (Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, 26.) Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1997.
- Dressler 1999 — Dressler W. U. What is natural in Natural Morphology (NM)? *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* NS, 1997, 3: 135–144.
- Dressler et al. 1988 — Dressler W. U., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W. U. *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Dressler et al. 2014 — Dressler W. U., Libben G., Korecky-Kröll K. Conflicting vs. convergent vs. interdependent motivations in morphology. *Competing motivations in grammar and usage*. MacWhinney B., Malchukov A., Moravcsik E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 181–196.
- Dressler, Karpf 1995 — Dressler W., Karpf A. The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquisition. *Yearbook of Morphology*, 1994: 99–122.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the agglutination hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Biscetti A. (eds.). (Studies in natural language and linguistic theory, 76.) Dordrecht: Springer, 2009, 13–29.
- Kilani-Schoch, Dressler 2005 — Kilani-Schoch M., Dressler W. U. *Morphologie naturelle et flexion du verbe français*. Tübingen: Narr, 2005.
- Laaha, Gillis 2007 — Laaha S., Gillis S. (eds.). *Typological perspectives on the acquisition of noun and verb morphology*. (Antwerp Papers in Linguistics, 112.) Antwerp: Univ. of Antwerp, 2007.

- Savickienė, Dressler 2007 — Savickienė I., Dressler W. U. (eds.). *The acquisition of diminutives: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Stephany, Voeikova 2009 — Stephany U., Voeikova M. D. (eds.). *Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.
- Voeikova, Dressler 2002 — Voeikova M. D., Dressler W. U. (eds.). *Pre- and protomorphology: Early phases of morphological development in nouns and verbs*. München: Lincom, 2002.
- Tribushinina et al. 2015 — Tribushinina E., Voeikova M. D., Noccetti S. (eds.). *Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2015.
- Xantos et al. 2011 — Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketrez N. F., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmović M., Pfeiler B., Voeikova M. D., Dressler W. U. On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection. *First Language*, 2011, 31 (4): 461–479.

Получено / received 16.06.2018

Принято / accepted 18.09.2018